

1 0 ИЮН 1977

г. Ростов н/Дону

Газета №

**АЛЕКСЕЙ** Дмитриевич Попов, отец нынешнего художественного руководителя Центрального театра Советской Армии — Андрея Попова, любил вспоминать поездку армейских артистов на Дальний Восток в 1937—38 годах. Город Комсомольск вышел провожать театр на берег Амура — весь город!

Тридцать пять лет назад, когда А. Д. Попов стал художественным руководителем Центрального театра Красной Армии, вместе с ним в трудную пришла его дружба-содружество: артисты, работающие и сейчас в том же коллективе. Это — народная артистка СССР Л. Добринская, народная артистка РСФСР А. Богданова, народный артист РСФСР М. Майоров. Высокие звания, которыми удостоены ветераны театра, говорят сами за себя: они заслужили признание народа!

Верность традициям — вещь хорошая, но она недорого стоит, если дыхание жизни не вторгается в творчество, не обогащает его. С уверенностью можно сказать, что в репертуаре Центрального театра Советской Армии современная тематика занимает достойное место. К этому призывал и А. Д. Попов, который, кстати, был категорически против уажд — только военной — специализации театра Советской Армии, справедливо полагая, что этот театр не может не отражать жизнь народа, защищаемого армией.

И все же, разумеется, армейские будни, героическая тема — в центре внимания театра и его драматургов. Да и зритель, для которого в парадную очередь работает ЦТСА — военный зритель, — прежде всего хочет видеть на сцене отважных людей, умеющих образцово выполнить воинский долг. Героев такого плана мы можем видеть в «Барабанище» А. Салынского, в драме В. Егоровой и В. Тура «Тогда в Тегеране» и в других спектаклях гастрольного репертуара.

И все же надо признать, социальный военный человек с его сложным духовным миром не находит пока настоящего воплощения на сцене театра. Андрей Алексеевич Попов в недавней статье, опубликованной «Литературной газетой», сетовал на то, что в портфеле театра нет пьес, достойных этой темы. Что ж, сценическое

искусство, как известно, вторично по отношению к драматургии, а драматургия хронически отстает... Но, как ни трудно рождаются новые хорошие пьесы о современной армии и флоте, они все же появляются. На сцене того же ЦТСА долгое время шел спектакль «Океан» по пьесе А. Штейна. Сейчас в театре репетируется давняя пьеса

этого чеховского героя, как своего ровесника. Мне нравится, что Астров так энергичен — он растит леса в своем уезде, он лечит людей. Его тревога за землю, которая теряет свою красоту, понятна мне и близка. Его честность с Соней — удивительная честность! Его несостоявшийся роман с Еленой Андреевной тоже по-своему красив, хотя Астров несколько

Чехов, с болью душевной показывая социальные «санцовые мерзости» жизни, тем не менее предлагал своим героям: ну, выкарабкивайтесь, не сдавайтесь! И увиденные нами в спектакле Хейфеца Иван Петрович Войничкин (народный артист СССР А. Попов), Астров и Соня не сдадутся, пока в их руках нужное людям дело, пока они своим трудом укра-

жал его в намерении сместить царя. Нельзя забыть и такого эпизодического персонажа, как Схишник (народный артист РСФСР Н. Колофидин). Как много поистине человеческого в этом старике! С крестьянской основательностью он хочет помочь царю советом: на Русь со всех сторон идут враги, а Иван Васильевич не знает, кому можно доверить командование войсками. Схишник — бывший военный царя, он знает всех наперечет царских воевод, но никого из них нет в живых: беспощадная и несправедливая кара постигла князей-военачальников.

Народный артист СССР Андрей Попов, играя роль Иоанна Грозного, создает образ потрясающей силы. Мне думается, что эта работа одна из вершин актерского мастерства А. А. Попова. Его Иоанн Грозный — бесчеловечен, жесток и лицемерен. Но и слаб в своем одиночестве, и самая впечатляющая сцена, пожалуй, — это сцена смерти царя. Он лежит мертвый, а вокруг — сумасшедшая пляска скомоорохов, выскочивших на условную команду «эй, ляди!» развлекать царя. Но ему уже не нужно развлечений.

Творческую удачу народной артистки РСФСР Л. Касаткиной в спектакле по пьесе В. Пановой «Надежда Милованова» трудно переоценить. Антриса создает героический образ, хотя такое определение может показаться странным. Да, эта маленькая, беспомощная в житейских делах женщина — героиня. Надежда Милованова любит странного, неудачливого человека, терпит вместе с ним трудности бесперспективной нелюбимой жизни, но — она любит! Этим все сказано. И мы понимаем доброжелательного человека по фамилии Серпухин (народный артист РСФСР М. Майоров), когда он, не зная, как выразить восхищение этой женщиной, читает нектаровские стихи: «Кона на скаку остановит, в горючую избу войдет!».

Мне хочется закончить эту статью строкой поэта-фронтовика Г. Каца: «Вошла высокая тревога и молча села у зги». Высокая тревога — как хорошо сказано! Так пусть же дыхание этой тревоги освещает каждый новый спектакль талантливого коллектива, носителя по многуму облагораживающее звание армейского театра.

Ю. НЕМИРОВ.

# Театр В ДОРОГЕ, В ПОИСКЕ

А. Крона «Второе дыхание» о морях-североморьях. Впрочем, определение темы еще ни о чем не говорит. История о людях, восставших в Заполярье, может прозвучать так современно, словно пьеса написана только вчера. Лучшие спектакли последних лет, поставленные на сцене ЦТСА, говорят о том, что мастера этого театра умеют находить новые решения старых задач.

С давних пор в Центральном театре Советской Армии установились подлинно дружеские отношения с классическим драматургическим наследием. Классика ставится на сцене этого театра уважительно, почтительно, но и без школярского страха перед авторами — перед Лопе де Вега, положим, или Шекспиром. «Угрождение стрелитовой» в постановке А. Д. Попова со сцены перекочевало на киноэкран — настолько это было интересно, а «Учитель танцев» до сих пор в репертуаре ЦТСА.

«Дядя Ваня» А. П. Чехова идет в театре в постановке молодого режиссера Л. Хейфеца. Ничего музейного нет в его спектакле. Герои Чехова говорят о вещах, которые волновали их так давно, а нам интересно их слушать, словно перед нами — наши современники.

Вот доктор Астров (арт. Г. Крыжанин). Я воспринял

цинично с ней разговаривает. Но за этим цинизмом — глубокое и серьезное чувство, а разве нам — людям, родившимся через сто лет после Астрова, — не присуща порою бравада, за которой часто скрывается трепетное сердце?

Я благодарен Г. Крыжанину: он открыл мне незнакомое значение доктора Астрова. Оказывается, он никакой не рефлектирующий интеллигент, замучившийся со своими комплексами (нередко встречается именно такой — ушербный Астров). И как тут было не удивляться: почему в уста столь незначительного человека Чехов вложил свой великий афоризм: «В человеке все должно быть прекрасно...».

Антон Павлович любит Астрова, и мы, зрители, любим его в интерпретации Л. Хейфеца и Г. Крыжанина.

А Соня у молодой антрисы Н. Вилькиной? Какая она, оказывается, гордая и незаинтересованная — эта Соня, сколько в ней женственности и нерасстраченной нежности к людям! Чехов все это вложил в роль, но, к сожалению, наработанные актерские приемы нередко застоялись существом роли, и Соня в иных спектаклях предстает, как беспомощная и экзальтированная жертва обстоятельств. А ведь у Чехова она никакая не жертва.

шают землю.

Спектакль «Дядя Ваня» в ЦТСА полемичен. Он спорит с некоторыми модернистами и м трактованками чеховской драматургии, суть которых в том, что герои Чехова — люди издерганные, ненавидящие друг друга, не нужные никому на свете, в том числе и себе. А в спектакле, о котором я говорю, живет извечная светлая чеховская нота — без нее Чехов не был бы Чеховым.

Тема человеческой гордости четко звучит и в другой работе Леонида Хейфеца — в трагедии А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного». Образы людей, способных противостоять тирании царя, получились в спектакле наиболее выпуклыми, наиболее интересными. Это мягкий в общении с людьми, добрый ко всем, кроме царя Иван Васильевич, боярин Захарьин-Юрьев (народный артист РСФСР П. Вишняков). Терпеливые разговоры, которые ведет герой Вишнякова с царем, могут в любой миг обернуться плахой или пыткой, но поступать иначе Захарьин-Юрьев не может. И недаром такую симпатичную испытывает к нему молодой князь Сидкий (арт. Г. Крыжанин). Из Сидкого так и бьет энергия человека, жаждущего добра своей родине, но он обречен: никто из чехов боярской думы не поддер-